

МАРТА

КЕТРО

ЕСЛИ
ЗАБУДУ
ТЕБЯ,
ТЕЛЬ-
АВИВ

Из
любви
не бывает
отпуска

Марта Кетро
Если забуду тебя, Тель-Авив
Серия «Легенда русского Интернета»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70184380

Если забуду тебя, Тель-Авив: Издательство АСТ; Москва; 2024

ISBN 978-5-17-161453-9

Аннотация

Перед вами история страсти между женщиной и её городом, книга, в которой много солнца, моря и чувств. Если вы давно не гуляли по жарким восточным улицам, то она проведёт вас по ним, по тенистым бульварам, шумным площадям и по прибрежному песку. Если вы тоскуете о дальних странах и несбыточной любви или о доме и привычных радостях – эта книга вас утешит. Это путеводитель по Тель-Авиву и по обычной женской душе – нежной и влюблённой, прочитав его, вы узнаете многие тайны городов и сердец.

Содержание

Прогулка туриста	6
Прогулка за едой	15
Прогулка после еды	22
Прогулка за чувствами	26
Прогулка с безумием	30
Прогулка в отсутствие мужа	36
Прогулка за пончиками	40
Прогулка в Бней-Брак	45
Прогулка на избирательный участок	47
Прогулка в Пурим	51
Прогулка 18 ияра	55
Прогулка в шабат	59
Прогулка в Песах	64
Прогулка с утра	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Марта Кетро

Если забуду тебя, Тель-Авив

© М. Кетро, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Меня тошнит от любви к этому городу, как всегда тошнило от любви.

То ли дело отношения равнодушного тепла, когда неделями живёшь «котиками», в обнимку, питаюсь из одной тарелки; с необязательным сексом – не сегодня, так послезавтра, с хихиканьем и киношками; когда засыпаешь легко и аж храпя, будто и не принцесса. Думаешь: близость. Думаешь: привязанность. Думаешь: наверное, влюбилась.

Но это только если забыть, как было с другим, в ледяном и потном раю, сильно смахивающим на ад в представлении хороших людей. Когда сколько вместе, столько и не спишь, потому что даже в крайней усталости не можешь расслабиться и потратить часы на сон, пока рядом дышит твоя жизнь – слишком жаль. Когда невозможно съесть ни куска, хотя в желудке давно не было ничего, кроме чужих секретов, но

схватывает живот и тошнит при малейшей попытке. Думаешь: мне бы домой, мне бы по-девичьи нежно поблевать. Думаешь: мне бы уснуть. Думаешь: мне бы туда, где не штормит и нет вертолётов, отдохнуть чуток и обратно.

Но из любви не бывает отпусков, от неё только сразу и навсегда, и не ври, что не знал. Все всё знают, Ромео, и не нужно специальных подпунктов мелким шрифтом. Устал – уехал – потерял. Отложить ничего нельзя, как нельзя приморозить время и юность, чтобы потом достать свеженьким и разогреть.

Так и здесь, душа моя, так здесь. Дай любить тебя, пока мы вместе, пусть тошнит и жара, простыни в поту, песок в тапках, и голодно, потому что душа не принимает ни булочек, ни мяса, а только солёный пот с чужого плеча. Это ненадолго, сколько бы ни собирался, ни рассчитывал, ни хотел – потому что любовь всегда ненадолго. Либо жизнь окажется длинней, либо любовь моя переживёт тебя, и никогда вровень, никогда не будет между нами равнодушного тепла, никогда – просто.

*С любовью к тебе, Тель-Авив,
твоя Марта*

Прогулка туриста

1

Пока шла вдоль моря, думала, что Тель-Авив безусловно родной город – в том смысле, который вкладываешь в это слово, когда оно возвращается к тебе очищенным от жлобских смыслов. Потому что начинается всё с шансонных интонаций, ну здравствуй, мама родная, привет, роднуля, дай копеечку, родненький, «и родная жена не узнала его, проходя мимо нищего старца». Ну или патетика – мой самый родной человек! – тревожащая душным бесцеремонным напором. Но однажды раздражающие ассоциации отшелушиваются и остаётся единственно подходящее слово, чтобы обозначить спокойную, чуть безвыходную близость. Куда я от тебя, куда ты без меня? – да уж найдём, куда. Но всякая перемена будет означать прежде всего не новую жизнь, а то, что я теперь не с тобой, а ты не со мной.

И вот я надела длинное, почти вечернее, и пошла смотреть на него чуть со стороны, с волнореза на Буграшов¹. Там всегда стоит холодный белый стул для рыбака и в шабат

¹ Буграшов, Алленби, Кинг Джордж, Дизенгоф, Шенкин – популярные улицы в центре Тель-Авива, на которых расположено множество кафе и магазинов.

бывает относительно тихо. Ну двое суданцев прострекотали мимо, арабская парочка чинно проплыла, вопящие девушки неопределённо гопнической национальности. Но если сесть спиной к морю, лицом к городу, можно снова увидеть его туристическими глазами первых свиданий.

Вообще люблю вспоминать, оказавшись в северном порту, как шла по скрипучей палубе в самый первый приезд. Заскочила в город буквально на час, между Иерусалимом и аэропортом, хитрым маршрутом, которым с тех пор никогда не ездила. В жёлтых штанах я шла по доскам и вообще ни о чём не знала – где я, какая это часть города, всё ли здесь такое и всегда ли. Такой был для меня Тель-Авив, другого могло и не случиться, остался бы городом чаячных французских криков, деревянных настилов и холодного ветра. С мужчинами всегда иначе, смотришь на него впервые и сразу знаешь: сварит он тебе кофе с утра или руки из жопы, а тут ничто совершенно не предвещало. Было только понимание, что не про мою честь вся эта иностранная жизнь, потому что нет более неприсвоимых вещей, чем города у моря, отделённые многими границами, большими деньгами, иноязычием и законами о пребывании. Да и вообще, с какой стати.

Или вот таинственный винный в начале Алленби. Я шла до него необычайно долго от улицы Буграшов, где чаще всего селилась в первые приезды. Уже отчаивалась и думала, что скорей всего примстилась лавочка, но вроде после всех

этих геул и хесс² где-то справа. Или нет, или да, или где я вообще? А, вот. Вся стена в бутылках и внизу обычно стоит этот странный чёрный абсент, которого я больше нигде не встречала, на стекле выступают купола, значит, иерусалимский. Огня и магии в нём было больше, чем во многих чешских и французских сортах, кастрированных в пользу европейских законов. Хотела купить перед отъездом, чтобы взять с собой и тосковать в снегах, и надо же было рассмотреть этикетку – Мытищинский винзавод, ООО «Родник», слушайте ваши «Валенки».

Или Кинг Джордж, на которую я первым делом прибежала сразу после самолёта, только въехав в съёмную квартиру и переодевшись. Какая невыносимая экзотика была в смуглой толпе, облезлых фасадах, в ярких цветных пятнах витрин. Я купила там лёгкие серые туфельки, сделанные из вечерних сумерек и дерматина, они были билетом в тель-авивское здесь и сейчас. Казалось, без них ткань реальности ускользнет из-под ног.

Или яхтенная стоянка на севере: можно пройти по узкому мостику, лечь у воды, где припаркован чёрный полицейский катер, услышать тихий звон такелажа, посмотреть на огни и осознать, что всё-таки прилетела.

Рынок, где знакомые лавочки исчезали, а потом внезапно находились на тех же местах. Единственный обитатель Кар-

² Геула, Хесс, Черниховски, Идельсон – тихие красивые улицы в старом центре Тель-Авива.

меля³, который никогда никуда не девался, продавец сыра Стас, не знаю, лысый или бритый, остальные позволяли себе небрежение к привычной картине мира. Хоп, и не было никогда хлебного лотка на этом месте. Хоп, и снова висят на цепях потемневшие подносы с перчёными булочками, и как можно было не заметить, дважды пройдя туда-сюда.

Странно, что я не помню, как и когда появилась площадь Бялик⁴, кто мне её показал или сама нашла, не знаю. Просто в один миг она образовалась на карте, в моём сердце, в моей жизни, и вокруг неё уже начал отстраиваться остальной город, теперь не чужой. На неё я пришла и поселилась, а не в Керем а-Тейманим⁵, где однажды захотела пожить и в самом деле потом немного жила. Но именно в кувшинках возле старой мэрии завязалось первое ощущение родственности места, и потихоньку начало распространяться по улицам, как запах чубушника и франжипани, стекающий по Идельсон к морю.

А теперь я пришла на бугашовский волнорез, чтобы посмотреть на город глазами чужака, не знающего, что в этой кафешке с красной подсветкой раньше давали самый честный лонг-айленд⁶ на берегу, а теперь только лемонану⁷. Что

³ Кармель – знаменитый тель-авивский рынок с ближневосточным колоритом, в отличие, например, от рынка в Сароне, где вполне европейская атмосфера.

⁴ Площадь с фонтаном возле старой мэрии, одно из самых уютных мест Тель-Авива.

⁵ «Йеменский виноградник», старый квартал Тель-Авива возле рынка Кармель.

⁶ Коктейль на основе водки, джина, текилы, рома, ликёра и колы.

пальмы, похожие сейчас на обгоревшие спички, высадили недавно, и они почти прижились, но в этом году сдались. И что набережную совершенно перестроили. Понятный город сразу слился в облако огней, морских запахов и женских голосов, и с тем я решила вернуться. Бесшумно пошла по бетонному покрытию, но потом перебралась на поскрипывающую деревянную лестницу, чтобы звук моих шагов тоже стал частью городского саундтрека, вместе с шелестом машин, дыханием моря, холодным ветром и чаячьими французскими криками.

2

Я люблю его, и этим всё сказано. Кажется, с первой прогулки в Северном порту, когда я толком не понимала, где нахожусь, а до самолёта оставалось несколько часов. Тогда я улетала в уверенности, что это нельзя повторить, но потом раз за разом возвращалась, чтобы однажды приехать насовсем. Теперь я знаю, что можно присвоить самый невозможный город, как и самого свободного мужчину – но только если готова отдать ему взамен часть жизни. Редко какой человек этого стоит, а город – да.

Тель-Авив не только свободный, он освобождающий. Самые замкнутые люди расслабляются и начинают открывать-

⁷ Безалкогольный напиток, который есть в каждом кафе – лимон и «нана» (мята на иврите).

ся, стоит побродить несколько часов по Флорентину, Ротшильд⁸, заглянуть в Керем а-Тайманим, выйти на берег. Постепенно понимаешь, что мир не наблюдает за тобой, прищурившись, пытаясь взвесить и оценить – он смотрит на тебя с нежностью, как на любимое дитя, потому что все дети у него любимые.

Быть здесь туристом легко. Не нужно ничего специально, чтобы город раскрылся перед вами. Представьте, вы оказались в центре города, в тапках на босу ногу, в майке и шортах, с магнитной карточкой от номера и некоторым запасом денег. Любой нормальный человек сразу пойдёт к морю. Оно здесь чистое, с белым мельчайшим песком, который мгновенно убивает камеры и телефоны. Набережная Тель-Авива тянется на дюжину километров, на берегу есть Wi-Fi и пальмы, под которыми можно сидеть, исполняя зимние мечты.

Потом, конечно же, в центр. Погулять по Йеменскому кварталу, который выглядит как ближневосточный филиал Барселоны. Съесть что-нибудь на рынке Кармель, отправиться на цивилизованный шопинг по Шенкин или на дикий – по Кинг Джордж. Пройти по Ротшильд, посмотреть самую старую и прелестную часть Тель-Авива, увидеть баухаус⁹ и почувствовать некоторое недоумение; полюбить бауха-

⁸ Флорентин – хипстерский район Тель-Авива; Ротшильд – бульвар, вокруг которого строился Тель-Авив.

⁹ Баухаус – своеобразный архитектурный стиль, характерный для Тель-Авива.

ус. Зайти в Неве-Цедек¹⁰ и обнаружить себя в южной Европе. Добраться до Флорентина, чтобы сфотографировать граффити, и вернуться по берегу в отель.

В другие дни можно поглазеть на башни Азриэли, Северный порт, Яффо, съездить на сафари в Рамат-Ган¹¹. Через три дня вам покажется, что вы всё примерно поняли про Тель-Авив, через неделю решите, что всё уже здесь увидели. Это специальная иллюзия, которой город приручает человека. Тель-Авив состоит из множества контрастных локаций, за каждым поворотом состояние, запахи и звуки могут полностью измениться. Стеклопанельная высотка для миллионеров – низкие картонные домики бедноты, промышленные склады – прелестная американская миссия, арабская улочка – христианский храм, шумная широкая площадь – тихие цветущие дворы. Город подбрасывает вас на ладони, как теннисный мячик, и каждый раз вы взлетаете в иное время, в новую реальность. На Тель-Авив стоит потратить от трёх дней и до половины жизни.

В Сароне¹² вы узнаете, чем темплеры отличаются от тамплиеров, посмотрите на очень современный и дорогой рынок, хорошенькие магазины и рестораны.

¹⁰ Неве-Цедек – первый район Тель-Авива неподалёку от бульвара Ротшильд.

¹¹ Азриэли – архитектурный комплекс из трёх башен, внутри есть торговый центр и смотровая площадка; Северный порт – модное место для прогулок, концертов и покупок; Рамат-Ган – небольшой город рядом с Тель-Авивом.

¹² Сарона – исторический район рядом с Азриэли.

В Музее искусств много Шагала, есть Кандинский, отличные работы современных художников и славная сувенирная лавочка.

В Яффо, кроме красивых видов, порта и морской еды, есть замечательный музей Иланы Гур, которая кажется мне одной из самых невероятных женщин на свете.

Если же вас почему-либо не тянет к культуре, вы спокойно можете проваляться всё отведённое время на пляже, опять-таки, от трёх суток и до половины жизни, и это будут прекрасные насыщенные дни или годы. Здесь потому и свобода, что очень легко выбрать занятие по возможностям и состоянию души по вкусу. Тель-Авив находится на пятнадцатом месте в двадцатке самых красивых городов мира; входит в десятку лучших приморских, в пятёрку лучших кулинарных и в первую тройку самых дорогих. Всё это не будет иметь для вас никакого значения, если он вам не понравится. Но если понравится – вы полюбите его безо всяких рейтингов, только за воздух и свободу.

В жару в Тель-Авиве стоит обязательно есть йогуртовое мороженое с разными наполнителями, зимой – мясные супы в Йеменском квартале, пить сахлаб¹³, на Хануку покупать пончики в сети «Роладин» и круглый год ходить за фруктами на рынок Кармель. В Израиле не страшно отказываться от привычной еды в пользу местной – вас не отравят, предупредят о слишком остром, сочувственно предложат веге-

¹³ Горячий напиток из луковиц орхидей, ну или из рисовой муки и крахмала.

тарианское. И не бойтесь растолстеть, все девочки знают, что в путешествиях не толстеют. По крайней мере, любовь Тель-Авива выжмет из вас все соки, вытянет деньги, высушит лишние калории, а взамен, как любовь всякого горячего мужчины, даст жизнь.

Прогулка за едой

1

Когда съездила в Грузию, поначалу гордилась, что не разделила всеобщего сумасшествия – ну красиво, ну вкусно, ну ааааа! но без последствий для психики, не как у вас у всех. Не купила в дом ни хмели-сунели, ни сыра, ни вина. Не гуглила по приезду билетов на осень. И набрала там всего два кило, которые быстренько сбросила. Для человека, пережившего иерусалимский синдром практически сохранным, Тбилиси – семечки. У меня необычайно крепкая голова, я даже не гуляла в простыне по Иерусалиму, только в одеяле, да и то в Тель-Авиве. И я была уверена, что Грузия закончилась для меня безнаказанно, как вдруг.

Да, я знаю, что все через это проходили, но я-то. Про еду понимаю только есть, а не готовить. Даже салат оливье на Новый год покупала в ресторане на Алленби, чисто мисочку для мужа.

И вот, когда уверен, что полностью в порядочке, контролируешь ситуацию и свободен от зависимостей, просыпаясь однажды утром и решаешь приготовить пхали.

А ведь меня там никто не укусил и даже не ослюнил, не

считая одной привитой собаки питерского происхождения и московской сторожевой породы.

Проснулась с этой нелепой мыслью ещё третьего дня, но мне нужно было подготовиться. Есть две проблемы: не люблю людей и разговаривать на языке, которого не знаю. Поэтому поход на рынок был сильнейшим испытанием для психики, нельзя просто так взять и выйти за шпинатом, как Пятачок на прогулку, делая вид, что ружьё, каску и костюм химзащиты прихватил чисто проветрить. Не прижиматься к стенам, не бросать впереди себя гайки с бинтом, сохранять лёгкое выражение лица и говорить небрежно, иначе тебя расколют.

И вот с утра я созрела, выпила бодрящий ноотроп и выдвинулась. Для храбрости зашла в книжный магазин «Бабель» к друзьям, поделилась дерзким планом и отметила, что, рассказывая, размахиваю руками. Ага, действует таблетка.

А на рынке вдруг оказалась пятница – это как час пик в метро, только ещё и жарко, все орут и нужно при этом покупать.

Ну, думала я, ну. Могло быть хуже. Я могла бы, как это принято среди российских женщин, влюбиться в волосатого грузинского мужика, разрушить семью и существовать от отпуска до отпуска, откладывая каждую свободную копейку на поездки к нему, пока однажды, в очередной прилёт, он просто не встретит меня в аэропорту. Я могла бы воз-

желать домик в Тбилиси, продать подмосковную квартиру и вложить всё в руины с текущей сантехникой; умереть от недоумения, так и не поняв специфики местного бизнеса и отношения к собственности. А я всего лишь захотела пхали.

Но к концу рыночного ряда я уже думала, что волосатый мужик не так разрушителен для психики, как вот это вот всё. В одном из переулков даже играли на контрабасе.

Шпинат, кинза и чеснок. Орешки. Остальное было.

Домой пришла, как ошипанная птица – шокированная, но спасибо, что живая. Трясущимися руками бросилась варить кофе, ошпаривать шпинат, измельчать орехи и разыскивать пестик, чтобы размять чеснок. Когда нашла, оказалось это преждевременно – то, что я купила в качестве чеснока, было шампиньонами.

Ну, понимаете.

Я тыкала пальцем в коробочки с круглыми белыми головками и мягко, но настойчиво просила «шум», как его тут принято называть. Продавец некоторое время сопротивлялся, но в конце концов продал. Лёгкую его непонятливость списала на то, что я-то принимала стимуляторы, а он нет. А дома выяснилось, что я уломала его на грибочки. Ну а что, тоже круглые и белые, всякий ошибётся. Пришлось дополнительно сбегать в соседний магазин.

Говорю же, хорошие колёса.

И вот, после позора, мук и грязи – пхали. Шпинат слабо просматривается среди орехов, с острым я переборщи-

ла. Но город меж тем затихает, шабат укрывает его тяжёлым плотным одеялом, которое гасит шум, суету, тревогу, страхи, раздражение и растерянность; вместо них в окнах зажигаются свечи. Всех отпустило. Человек, в сущности, может быть очень храбрым, если правильно подобрать препараты и в конце пообещать покой.

2

В кафешке, где я бываю с первых приездов в Тель-Авив, подали на десерт финиковые шарики, и у них вдруг оказался совершенно однозначный вкус тех коричневых пряников с белой глазурью, которые продавали на развес всё моё детство. Не пересказать, какое это сложное переживание, когда незнакомая еда присылает тебе известные сигналы. Хочется устроить им очную ставку и допросить обоих: кто из вас врёт? какие цели вы преследуете? кто ещё с вами в банде?

Один из тель-авивских магазинчиков, эксплуатирующих пищевую ностальгию, называется «Маленькая Россия», и я ничего не могу поделать с собой – каждый божий раз надеюсь открыть дверь и сразу упасть лицом в снежок, а вокруг чтобы маленькое бесконечное поле, маленькое ледяное небо и маленькая вечная тоска. Но там опять только шоколад «Алёнка» и тульские пряники.

Муж уехал, оставив мне полный холодильник, и я потихоньку проедаю в нём ходы, но не рискую слишком углубляться – что на поверхности, то и беру. Поэтому в первые дни питалась арбузом, потом почти неделю были персики, а вчера доелась до клубники, которая стояла у задней стенки. И это пока только первая полка.

Перед субботой решила пополнить запасы творожков и отправилась в «Кофикс», попутно открыв для себя способ не закупить сгоряча мусорной еды: надо всего лишь купить мусорной еды заранее и с утра случайно съесть целую плитку скверного молочного шоколада, тогда в магазин придёшь с лёгкой, но отчётливой тошнотой, не позволяющей даже смотреть на сладкое. Правда, есть опасность импульсивно цапнуть котлетки неизвестного генезиса и вечером вспомнить вкус замороженных полуфабрикатов. Странная пища, побуждающая обдумать, зачем так жить, чтобы это есть.

Потом пошла выгуливать белые кеды, уродливые, как ортопедические котурны – года три назад о таких мечтали четырнадцатилетние девочки с рабочих окраин. Я-то никогда не была четырнадцатилетней девочкой, по крайней мере, не знаю о себе ничего подобного, поэтому непережитые мечты настигают меня, как желания беременных – внезапно и непобедимо. У меня с ранних пор есть дефект памяти, я не пом-

ню своего детства, да и всё остальное стирается в течение двух-трёх лет. Я, конечно, записываю, но прошлое всё равно состоит из редких крупных планов, в которые, как правило, не попадает ничего конкретного: какие-то солнечные пятна, цветущие деревья, вьющиеся тёмные волосы не помню какого мужика, прозрачное зеленоватое море, поцелуй. Океан, звуки порта, ручей в овраге, лиловые часики и кукушкины слёзки, свет в стакане воды, поцелуй. Кот, обнимающий меня за шею, улыбчивый ребёнок, театральная помадка с цукатами, рисунок липовой кроны в солнечный день, мужская кисть с длинными пальцами, я тону в Черном море, мёд и лимоны на кухонном столе, иерусалимский камень, поцелуй. Остальное всё забыла, простите меня, ничего более нельзя выжать и конвертировать в слова и опыт. Поэтому люди живут, а я как-то нет.

Ещё смотрела на Тель-Авив, погружающийся в шабат, сумерки медленно стирали детали, а я как раз думала, когда, когда же в женщине перестаёт проглядывать девушка. Сначала девчонка, потом взрослеет, становится зрелой, но достаточно высветлить тон и припудрить, чтобы проступила та девушка, чья кожа светилась в темноте сама по себе. Позже нужен специальный ракурс, я вижу, как они на селфи таращат глаза и закусывают изнутри щёки, чтобы как-то втянуть брыли, и, смотришь, девушка та мелькнула. На кухне иногда получается скомбинировать специальный свет, слева голубой, справа тёплый, и я становлюсь прозрачней, а тени

нежней. Потом уже только фотошопом, но всё-таки можно её проявить и разглядеть. А однажды она должна исчезнуть, и ничем тогда не вытащить её из-под морщин, лишней кожи, старого тела, из сумерек, из темноты.

А в сегодняшней моей темноте танцуют уличные коты, кроме котлет я купила печёнки, чтобы украсить их короткую беспмятную жизнь чем-то понятным и определённым – как шоколад, кеды, длинные розовые тени на закате, поцелуй. Но коты не целуются, им печёнка.

Прогулка после еды

В тот раз я проснулась часам к четырём дня, заглянула в рабочую почту и обречённо ответила «доброе утро». К семи достаточно сосредоточилась для первого кофе на Бялик. Под чашечку рассказывала медицински образованному собеседнику, что за три месяца меня внезапно разнесло, и это, конечно, гормональный сбой. Назвала страшную, но всё-таки не двузначное число, а он говорит: нет, столько – не гормоны. Это пищевое поведение. Я обиженно и несколько возмущённо ответила, что вообще-то слежу за диетой и строга к себе.

К тому времени как раз достаточно стемнело для завтрака – известно, что съеденное в темноте, в пути и на халяву не полнит. И мы потихоньку пошли в «Бенедикт», где в любое время суток вас приветствуют фразой «доброе утро», и есть завтраки с шампанским.

Заказала умеренно и белково, на десерт предложили панкейк. Взяла половинную порцию, я же на диете.

Вдруг приносят три больших куска горячего бисквита, увенчанного бананами, и всё это покоится в озере сгущёнки. А я же не могу устоять, когда сгущёнка.

Но спутник мой ужасный молодец и ни слова не сказал про гормональный сбой.

Перед выходом нам предложили взять с собой бесплат-

ный кофе – то ли потому, что мы такие прекрасные, то ли потому, что возле моих ног официант уронил сразу три яйца всмятку. Я выбрала двойной эспрессо и аккуратно пошла по Алленби в сторону дома.

Вернулась и поняла, что у меня есть совесть – именно она не давала уснуть, пучила мои глазки изнутри, и тыкала мордочкой в лужу сгущёнки: кто, кто сожрал бисквитную башню? и Бастилию тоже ты! Хотя злые люди сказали бы, что это не стыд, а кофе. Но я зарядила телефон, чтобы собирать покемонов, и к четырём утра мы с мужем выступили в Северный порт. В левом виске ненавязчиво играли «Прощание славянки», с нами был пикачу – в *Pokemon go* можно выбирать покемона-спутника, который будет трусить у ноги и прижиматься тёплым боком, когда ты останавливаешь.

От стыда и ужаса я прошла двенадцать с половиной километров.

И всё это было не зря, потому что ночь оказалась такой, какие выпадают изредка, когда кто-то большими ножницами вырезает кусок другой реальности и вставляет в обычную жизнь. Стык иногда удаётся заметить только по лёгкому головокружению и смене чёткости картинки.

Мы шли по набережной, был шабат и пять утра, и нам попадались особые люди. Признак большой свободы – когда в любые часы встречаешь тех, кто живёт не по графику, и это не деклассированные элементы, а просто такие аборигены времени, жители потока, у которых есть понтоны. В

пять утра на набережной, если идти на север, обитают рыбаки и спортсмены, немного служащих порта, тихий сумасшедший и охранник пустого кафе, который сидит там, кажется, из любви к солёному воздуху и огням на воде. Из миомешедших были мы и группа юношей, возвращающихся с вечеринки, они сказали нам «бокер тов»¹⁴, но рановато, ночь ещё не ушла.

Мы догуляли до самого Яркона¹⁵, там стояла башня электростанции с алым огнём наверху, который бросал отблеск на воду, и я сказала пикачу: посмотри, чисто Красная площадь и мокрые камни мостовой. Поедем в Москву – увидишь.

Потом мы повернули на восток, и только тогда солнце начало выходить, крася нежным светом стены унылого севера, который я не люблю, но в этом розовом он вдруг стал умеренно хорошеньким, мы даже нашли франжипани. А потом повернули на Бен-Иегуда¹⁶, и по мере продвижения в сторону уменьшения, дома становились всё краше, всё облезлей, всё милей, будто твой кислотный пикачу обрастает тёплой абиссинской шерсткой.

Там, где было уже всё хорошо, примерно возле ста сороковых домов, я нашла себе работу на старость. «Сватовство, мистика и рефлексология», гласила вывеска, и это выход для

¹⁴ Доброе утро.

¹⁵ Яркон – река на севере Тель-Авива.

¹⁶ Бен-Иегуда – длинная улица, ведущая из центра на север.

меня, у которой крылья из жопы – маникюр-то я точно не смогу. Мистика и рефлексология – хороший девиз, почти как слабоумие и отвага.

Была, повторяюсь, суббота, и мы встретили разных людей, которые были на улице по доброй воле, потому что им зачем-то нужно жить в часы, когда город видит последний сон, пачкая слюнями подушку. В восемь утра мы всё-таки вернулись домой, бисквитная башня наконец-то перестала подпирать мне сердце, и я стала смотреть, что сфотографировала – карусель без детей и пустые улицы. А пикачу уже спал и во сне дрыгал лапами, догоняя сумеречных котов, зеркальных зайцев и блики на мокрых камнях.

Прогулка за чувствами

1

Почему-то «ангел мой» я называла тех мужчин, что со всех сторон в шрамах и зазубринах, но ко мне-то повёрнуты тёплым боком, о который можно согреться мимоходом, безо всяких там – ладони приложить и погреть, а потом дальше-дальше: бежать за своими покемонами, котами, километрами, сжигающими калории и страх, за текстами, за любовью.

И мне всегда было интересно, остаются ли на них отпечатки, они хоть запоминают, кто же на секундочку их тронул, мятный холодок на диафрагме хотя бы тенью остаётся ли?

Или там, где жемчужно-серое небо смыкалось с туманной водой так, что континент превращался в остров, а море в океан, там-то должны оставаться следы от моих маленьких и его больших, потому что иначе всё это зря.

Ведь кто-то должен меня любить за просто так, за один мятный холод в диафрагме – за другое-то меня много кто любит, а за это только ангелы.

Помните ли вы меня?

Ходила на гастроль поэта Воденникова, сердце предсказуемо и с лёгкостью рассыпалось, как и прежде. Эта бабья готовность, что движет Солнце и светила, – на кусочки, в блёстки, в пыль, – во мне оказалась сохранна. Казалось бы, зачем тебе, пухлощёкий хомяк, мартовский ветер внутри, когда снаружи и без того сквозняк. А вот! – гордый и бесстрашный, он ни то чтобы жаждет бури, но готов. Поэтому бежит с полными горстями осколков к морю и чувствует себя байроном – в плаще, в слезах и в лишнем весе. И всё, кроме веса, слетает с него там, на ветру, и снова он пухлощёкий пион, потерянный и беззащитный. (А лучше бы вес.)

Только раньше бы я додумала так: казалось, счастлив, но чуть потревожат тебя, и внутри заболело – а значит, ошибался.

Теперь же я знаю важную штуку. Уверенность, что счастье равно отсутствию боли, это большая ошибка. Бог видит, как я ненавижу боль. Нет во мне ни капли поэтизации этой мерзости. Ни человек, ни зверь не должны страдать, любые уколы, вплоть до усыпления, хороши, лишь бы не терпеть.

Но иная тоска не проходит никогда, она будет тлеть внутри, сколько ни украшай свою жизнь. Избыть её невозможно, зато вполне посылно замкнуть в пузырьке из тёмного стекла с притёртой пробкой или в свинцовом контейнере, у ко-

го как. Избавиться нельзя – хранить, не отравляясь, можно. Быть счастливым рядом с этим могильником – можно. Можно даже брать понемногу для текстов, в качестве топлива для перемен или чтобы обольстить кого-нибудь сложностью натуры. Но это нужно очень большим дураком быть, чтобы лезть туда по доброй воле.

Разве вот так, случайно, рассыпаться от чужих слов на кусочки, в блёстки, в пыль, а потом снова собрать в ладони тоску и запереть в непрозрачной бутылочке, в прохладном и тёмном месте, беречь от детей.

3

С огромным исследовательским интересом наблюдаю за отношениями людей немолодых, отыскивая отличия от молодёжных потрахушек. Практически, вы знаете, всё как у людей, за небольшим исключением: взрослые горазды залипать на неудавшихся связях годами. В юности этим отличались только параноики, а после сорока буквально каждый второй. То ли переживают, что это был последний секс в их жизни, то ли в себя прийти не могут, что кто-то не оценил их увядшую харизму. Но столь оголтелого преследования бывших в юности я не наблюдала. Притом вслух декларируется обратное: «у меня осталось слишком мало времени, чтобы тратить его впустую», а по факту люди не только отказываются слезть с мёртвой лошади, но и норовят её трахнуть. И

спрашивать: «Мой ангел, помните ли вы ту лошадь дохлую под ярким белым светом» бессмысленно – господи, ну, конечно, помнит. Да они практически женаты.

Да, к чему я про коней-то. Шла вдоль моря, встретила осёдланную русоволосую лошадь без седока, которая бодро неслась вскачь. Впереди ехал велосипедист, поэтому я было решила, что она с ним, но чуть позже следом пробежала пара полицейских. Возможно, лошадь полюбила этого двухколёсного и погналась за ним, удрав от хозяина. Ужасно грустно, между прочим, даже безнадежней, чем дельфин и русалка – у той хотя бы есть рот.

А красиво тут иногда, будто контрабандой забралась в видовую открытку, и немного боишься жить, потому что как же среди такого просто ходить, есть, работать, это надо сердца не иметь, чтобы спокойно отвернуться и думать о другом, когда заходит солнце.

Прогулка с безумием

1

Самое трогательное в нас, людях, правящих себя с помощью разрешённой химии, это необоснованная уверенность в собственной вменяемости. Купировала мигрень и за три минуты оделась на прогулку – я горжусь умением собраться, пока горит рюмка абсента. Выхожу, а платье-то наизнанку. Вернулась, вывернула, снова вышла: сосредоточенная, осознанная, полная доброжелательного интереса к миру. Но акацию во дворе облюбовали летучие мыши, которые кажутся блондинистыми в свете фонарей, и я испугалась, что они вцепятся мне в волосы. Вернулась к крыльцу, немного постояла. Вообще, есть сумка, можно надеть на голову и быстро пройти, но соседи и без того невысокого мнения обо мне. Впрочем, вечер, все по домам сидят, сериалы смотрят. Тут на лавочку вышел юноша с собакой и я приободрилась – если что, мыши задерут сначала его, он аппетитней, хотя он и бритый. Всё же сунула руку в сумку, чтобы прикрыться айпадом, если что. Проскочила – так и есть, в соседнем дворике щебечут девчонки, хороша бы я была во всеоружии.

Сторожко, как сказал бы Пришвин, добралась до волно-

реза на Буграшов, села на другой камень, потому что по тому бегал ужасный крабик (можно угадать, какова степень свободы моего выбора, притом, что камней там не то чтобы два).

В прибое стоит пьяненький человечек и надсадно орёт: «Не хочу уезжать, это святая страна!»

Никто не хочет, пьяненький человечек.

Орёт, аж приседает: «Я люблю тебя, Тель-Авив!»

Тель-Авив тоже тебя любит, пьяненький человечек.

Он всех любит.

Пришлось уйти на Бялик.

2

Когда я говорю, что слишком нежна для этого мира, никто не верит – пухленьким женщинам трудно убедить людей в том, что внутри у них оголённые нервы, скрипичные струны и грохот апокалипсиса. А между тем, я всегда самурай перед лицом смерти и берсерк на пути безумия. Я давным-давно готова к тому, что однажды сойду с ума, но не думала, что это произойдёт так скоро, в одночасье и в книжном магазине «Бабель».

Пока друзья пошли курить, я рассматривала книжные полки, и на одной лежали два томика нечеловеческой красоты – маленькие Набоков и Хармс. Я взяла верхний, покрутила в руках. Там, в плёнке, была самая сладкая Лолита из всех, что я знала: в тканевой обложке, на отличной, кажется,

бумаге, и толстенькая, как американский яблочный пирог. Положила на место, повертела головой и захотела подержать Хармса. Смотрю, а его нет. Нет синенькой книжечки, в плёнке же, которая только что лежала прямо тут.

Первым делом полезла в карманы, вдруг проснулся мой цыганский прадедушка и мигом спёр хорошую нужную вещь? Потом поглядела на мужа, который ошивался рядом, но руки его были пусты. Осмотрела полки: нет, нет, нет. Я помнила томик до блика на корешке, должен быть прямо перед глазами, очевидный, как помидор.

И тут на меня обрушилось понимание, что момент, к которому я готовилась всю жизнь, наступил. Я сошла с ума, скучно, прозаически и на ровном месте, мне привиделся несуществующий Хармс, а значит, уже совсем скоро начнут приходиться тёмные мужские силуэты и говорить о насущных вещах, вроде мирового заговора лично против меня. Давно уже к этому шло, я разлюбила выходить из дому днём, затрудняюсь собрать мысли в кучу, голова часто кружится, иногда ставлю стаканы мимо стола. И вот.

Кроме страха, я почувствовала всепоглощающую печаль, которая падает на тебя, как душная мамина шуба с вешалки, в секунду накрывая с головой и беспросветно. Только что впереди была некоторая жизнь и планы, а теперь я сумасшедшая косматая старуха без будущего, горе семьи и несбывшаяся надежда русской литературы. Всё кончилось быстро и бесславно.

Это только пишется долго, а прожила я всё в секунду, вскинув ледяные пальцы к бледным вискам – ну, как мне казалось, а на самом деле, обхватив себя за щёки и выпучив глаза.

И самым важным в этот момент для меня был вопрос: сказать ли мужу сейчас или остаться с этим одной.

Я сделала несколько бессмысленных шагов к нему, к полке, к кассе, снова к полке. Ведь произнесённое вслух станет окончательным – жизнь моя уже переломилась пополам, но стоит это проговорить, и безумие полностью осуществится.

Не знаю, на что я рассчитывала. Наверное, хотела напоследок ощутить под пальцами ускользающий материальный мир, но я снова вытащила «Лолиту». И, да, вы умные, а я нет, за ней показался синенький корешок. Полка широкая, книжки маленькие.

Потом я, конечно, рассказывала и показывала руками степень своего потрясения, но на самом деле пояснить личную бездну так, чтобы её увидели другие, невозможно. Она разверзлась прямо передо мной, с минуту поглядела в глаза и схлопнулась. Теперь я знаю, что точно не готова ни к чему, ни к смерти, ни к безумию, берсерк из меня говно, да и самурай тоже. Не напишу напоследок хокку, не прыгну с отважным воплем. Так и будет бормотать в голове чужим голосом: «страшно умирать не хочется». И своим: спасите меня, спасите, мне очень страшно.

3

Прочитала у Ялома фразу: «Для многих из нас лучшее, чем человек может ответить на свою экзистенциальную ситуацию, репрезентировано героической индивидуацией» и благоговейно упала на задницу. Это же я теперь смогу объяснить совершенно любой свой поступок, сохраняя достоинство. С тех пор, как не пью, годной отмазки у меня не было. Теперь же на всякие там «Почему ты так выглядишь? Зачем ты опять? Где деньги?!» я скажу: «Это лучшее, чем я могла ответить на свою экзистенциальную ситуацию».

А до сего дня я защищалась от жестокого мира только цитатой из Трууба: «Когда началась моя психиатрическая практика, в один из моих первых дней в больнице я заметил женщину, которая ползала на четвереньках по полу палаты. Из истории болезни я знал её имя, подошёл к ней и спросил: “Мэри, что вы делаете?” Она взглянула на меня и ответила совершенно искренне и честно: “Всё, что только в моих силах”».

4

Шла по Бен-Иегуда, переживала по обыкновению своё космическое одиночество и бесприютность, как в отдельно

взятом городе Тель-Авиве, так и во всём мире материально-го. И тут услышала, как полоумный бродяга рычит гроулом: «Я убиваю! Я Тоха, сын Луны и Земли! Кто! Я убиваю!» Катит себе тележку с хламом и орёт надсадно, аж подпрыгивает на каждом «яааа» и чуть только в грудь себя не колотит, как Тарзан.

И я такая сразу – всё, всё, поняла, космос прикрутила, материальность приняла, поковыляла смиренно домой. Потому что вот оно, безумие, несётся параллельным курсом, и всего пара шагов осталась до Луны и Земли.

Показывала заезжему человеку самое нежное место нашего нежного города (для меня привести кого-то на площадь Бялик, это как показать сиськи – акт доверия и гордости. Ну, когда ещё можно было ими гордиться) и привычно перечисляла: это старая мэрия, здесь у нас рыбки и нимфеи, но они сейчас спят, тут огоньки, а это жираф... Почему на крыше? В честь юбилея зоопарка, там ещё обезьянник внутри...

И вдруг подумала, что естественный градус тель-авивского сумасшествия происходит не оттого, что мы такие оригинальные и креативные, а от простоты: огонёчки, рыбки, жирафа – хорошо же, ну, чё не так? Всё это не из желания шокировать, а в искреннем стремлении к понятной красоте и дикарской радости, когда мир блестит, переливается и всего много.

А гостей, конечно, с непривычки может ушибить.

Прогулка в отсутствие мужа

1

Муж уехал на две недели, оставил полный холодильник еды, но к четвергу я всё же проела в нём дыру и была вынуждена выйти к людям. В ужасе... нет, не в ужасе, а даже приятно улыбаясь, прошла сквозь толпу треть рынка Кармель и с той же приятной улыбкой, от которой начинают выть собаки, свернула на параллельную улицу. Там мясной ряд, тротуар застелен скользким красным покрытием (это чтобы кровь стекала, обычно объясняю я туристам, приятно улыбаясь же). Деревянню дошла до арабских зеленщиков, купила одиннадцать яблок и быстро всосалась в дом.

Думаю, нужно начать рискованную практику дневных выходов из дома. Чтобы прям солнце, люди кругом, а я иду и типа ничего особенного.

2

В отсутствие мужа немного отвыкла от галантности, а тут меня сразили дважды и в самое сердце.

Договорились с другом, что он зайдёт ко мне в три. Имея

в виду, что мы в Тель-Авиве, без четверти намазала на лицо маску, в описании которой была фраза: «Нанесите так, чтобы вы стали похожи на зелёного морского монстра». Ровно в три в дверь постучали. Открыла в чём была.

– Как ты похудела, – сказал он.

А потом ещё гуляла возле моря, а там фонтан со струями высотой сантиметров в пятьдесят. Но стоит подойти ближе, как он при виде тебя вздымается на полтора метра. Лестно – не пересказать.

Так была впечатлена, что на следующий день отправилась ловить покемонов, нарядившись. Короткое платье не рискнула, зато надела серебристый плащ, и пикачу ко мне так и лезли. Нахвасталась подруге, а она отвечает:

– Выходит, женщины бывают трёх типов: которые одеваются для себя, для мужчин и для покемонов.

Рассказала мне о некоем импровизационном тренинге: один человек танцует то, что чувствует, а второй за ним присматривает; потом делятся впечатлениями.

– Скажи, а наблюдающий может сказать: «Я видела, что ты ощущаешь себя старым и толстым»?

– Это некорректно, лучше говорить о том, как ты себя чувствовала, наблюдая.

– А! «Я думала о том, как тяжело быть старым и толстым», да?

– Знаешь, тебе, наверное, пока не нужно идти на этот тренинг.

Ну и пожалуйста, буду танцевать для своих покемонов и фонтанов.

3

Наверное, всё дело в том, что сиськи у меня начали расти с восьми лет и к двенадцати полностью заменили собой мозги и другие инструменты выживания. По крайней мере, сейчас я не то чтобы не думаю, просто не принимаю обдуманное в расчёт. Вчера стёрла ноги, а сегодня у нас тридцать девять в тени, и что я могу сделать в такой ситуации? Конечно же пойти на пешую экскурсию. Вернулась через шесть часов и десять километров, удивлённая такая. Я-то с самого начала ни секунды не сомневалась, что умру где-нибудь в походе, некоторое любопытство вызывало только место. Были варианты: там рядом тюрюга, пристанище патологоанатомов, кошачий приют и монастырь с могилой воскрешённой портнихи (не той, что «талифа куми» от Марка, а той, что «Тавифа, встань» из Деяний). У человека со вкусом просто глаза разбегаются. Но как-то меня нигде не приняли, пришлось вернуться.

А всё почему? Всё потому, что мужа нет. У нас разделение обязанностей: я человек ленивый и пугливый, и если не отключить инстинкт самосохранения, вообще никогда никуда не выйду. Поэтому здравый смысл я заблокировала и не пользуюсь, за этим муж следит. И в его отсутствие тоже не

включаю, чтобы руку не сбивать. А по причине см. первую строчку я вполне способна зарезаться насмерть листом бумаги, а тут целый шарав¹⁷ и прогулка в самую жару. Но нет, спаслась, ещё зашла в «Кофикс» за субботним наполеоном, подмела во дворике и полила цветы. «Кофикс» был последним прижизненным усилием, а двором я уже занималась из чистого интереса – сколько ещё сможет продержаться курица без головы. По моему опыту, вечность.

¹⁷ Почти то же, что и хамсин, ветер из пустыни, несущий жару и песок.

Прогулка за пончиками

1

Анечка прилетела с Кипра на Хануку специально из-за наших роладиновских пончиков, которые в Тель-Авиве всегда событие. Каждый раз выпускают ни много ни мало «новую коллекцию», печатают рекламные буклеты с описанием, и полгорода выстраивается в очереди, чтобы сравнить нынешний фисташковых сорт с прошлогодним.

И сегодня мы пошли в «Роладин», страшно волнуясь. Шутка ли, год ждали.

Мне, говорю я мальчику, четыре: фисташковый, пекан, чизкейк и пралине. И фисташковый. Пекан и чизкейк тоже. Пралине ещё. И фисташковый.

Следом за мной Анечка попросила у девушки тоже четыре: пекан, чизкейк, чизкейк и фисташковый.

– Эй, – сказал парень, – куда ты ей кладёшь, они же вместе, та вон уже взяла четыре.

– Нет, – ответила Анечка. – Нам отдельно, четыре мне, четыре ей.

– Да куда вам столько?!

В Израиле, прошу заметить. В кондитерской.

Я принялась жалко оправдываться:

– Скажи ему, что мужу и ребёнку!

– В детдом покупаю! – отрезала Анечка, и мы пошли в парчок.

В парчке нашли старый фикус, согнали кошку и уселись на узловатых корнях. Разложили пончики, кофе и сделали ту паузу, которая должна предшествовать исполнению мечты. По моему скромному мнению, всё самое ценное происходит именно в эту минуту.

Она взяла чизкейк, а я фисташковый.

И тут из кустов вышел мужик с внучком. Театрально оглядел нас и сказал:

– Сидят и едят. Хм. Едят что-то.

– Пончики же! Из «Роладина»! – Я приветливо помахала куском, который сочился зелёным.

– Едят что-то, – выжидательно повторил он.

– Слушай, он, похоже, рассчитывает, что мы угостим его внука. Но они все разные, я не могу пожертвовать непробованным вкусом ради чужого ребёнка.

– Боюсь, – ответила Анечка, оглядывая три оставшихся пончика – я не смогу пожертвовать даже ради своего. Я вообще хотела отнести ему два, чизкейк и ещё какой-нибудь, но, но...

– Фисташковый не отдавай! – быстро сказала я.

– Да, – она откусила зелёный, – фисташковый определённо нельзя. И вообще, он такой маленький, куда ему два.

– Да, да, живот заболит у бедняжечки.

Мужик тем временем перешагнул через наши коробки и ушёл, бормоча: «Сидят и едят, сидят и едят». Удивили – прощу заметить, в Израиле.

Мы помолчали над двумя оставшимися пончиками.

– Знаешь, люди говорят, что вчерашние совершенно невозможно есть. С утра прям отравя. Интересно, правда?

– Никогда не пробовала, – ответила Анечка.

– Вот и я. И рада бы проверить, но они не сохраняются. Ночь длинна, темна и полна ужасов.

Анечка развернула рекламный буклет и сосчитала калории. Закрыла рекламный буклет. А я и смотреть не стала:

– У меня было много работы, я заслужила. Тут пришлось написать три колонки за неделю, и я решила, что за каждую буду покупать себе пончик. Фисташковый, пекан и фисташковый. И знаешь, помогло. Я писала колонку и так живо представляла себе пончик, что потом уже можно было не покупать. Решила, подожду, когда ты приедешь, тогда и пойдем.

Так что сейчас, считай, всего лишь один. А это те три. Те.

2

Проснулась на карусели, знаете как бывает: от большой усталости задрёмываешь где придётся, а потом открываешь глаза, а вокруг огоньки и лошади скачут, и счастье, о кото-

ром пишут в газетах, вот оно, Веничка, – носится возле тебя, хохочет, гримасничает, и спрятаться совершенно негде. Всё это вместе называется «предвестники», за ними следует мигрень, которая, конечно, купируется триптанами, но какое-то время ты ещё просидишь со сведёнными челюстями на этой проклятой карусели, среди искр и грохота.

И вот когда таблетка начнёт действовать, а челюсти разжиматься, ты разбираешь почту за сутки, читаешь социальные сети, и слёзы вдруг оказываются очень близко – всех жалко, все вдруг хрупкие, ранимые, дико талантливые и наверняка скоро умрут или уже умерли. И только когда отмечаешь, что есть некоторая поэзия в первых строках спама, обещающего наследство мёртвого полковника, опоминаешься – это ж от колёс прослабило, так-то хорошо всё, кругом обычные ублюдки, и ты любишь их именно за это.

А потом откроешь файл, а там, оказывается, путевые заметки с карусели. Записала в ночи и продолжила спать.

груди женщины, лежащей на спине,
напоминают холмики братских могил
кто у тебя там? погибшие от любви
так сильно любила, что ни один не выжил
живот её – круглый курган под которым дети
от всех нелюбивших её
дети и тонны пончиков
холмики с возрастом ниже, ветер ровняет мужчин
выдувает из памяти

курган всё выше

потому что пончики забыть невозможно

То есть я проснулась, написала оду пончикам и, хихикая, уснула, а проснулась уже в этом всём – среди лошадей и мелькания, ничего не помня, в слезах и наследницей миллионов.

Прогулка в Бней-Брак

В сказочный город Бней-Брак следует ехать, чтобы удовлетворить страсть к подглядыванию. Это идеальное место, где тебя не видят, хотя и рассматривают; где жизнь от твоего присутствия не нарушает своего хода и не прерывается ни на секунду; потоки людей и времени огибают чужака, не задевая. Кто всегда хотел попасть в таинственный город с картинки, тому нужно приходить вечером, в последний день Хануки.

Из того, что очень заметно: другие афиши на заборах, другой мусор на тротуаре (не видно окурков, например), нет котиков, нет людей, уткнувшихся в телефоны. Покемоны, впрочем, есть, есть джимы и покестопы, значит, кто-то всё-таки ловит и сражается.

Даже одевшись в длинное, невозможно слиться с этой толпой. Я всю жизнь ношу платья до щиколоток, но это всё равно одежда из другого мира, каждой своей ниточкой, в которой смешаны лён и шерсть, застенчивость и секс, нежность и вызов. У их женщин другая походка и постановка спины, они не ходят коровьим шагом, а ставят ноги широко и уверенно. Кажется, что это продукт нескольких поколений, которые не учились вилять задницей (не знаю, как на самом деле).

Слиться нельзя, даже если ты поднимаешься в женскую часть синагоги. Наблюдаешь сквозь мутноватое стекло и ре-

щётку за веселящимися внизу мужчинами и чувствуешь себя обезьянкой, глядящей из клетки, а для тамошних женщин всё иначе – разные миры, разные тайные.

Не стовариваясь, подумали с Димой об одном – вот был бы трип, если прожить здесь годик по правилам. Но потом поняли, что нам не подойдёт, раз нельзя ловить покемонов по субботам, и на улицах мы не сможем обниматься, как привыкли. Невозможно ходить, даже не держась за руки, если всю жизнь прикасались друг другу при каждой возможности. За три часа прогулки мы заметно устали от напряжения. По моим ощущениям, пожить в Бней-Браке, это как попытка поселиться в храме и там же размножаться и налаживать быт, стараясь притом сохранить святость места. Есть чёткий регламент, который надо соблюдать, иначе всех обидишь. Гостю-то можно и обойтись, а так нет.

Чужеродность среды мне не мешала, я с рождения везде посторонняя. Но сто лет не видела монокультурных городов, привыкла к смешению национальностей, религий и правил, а тут один народ, одна вера, одно стремление, которое я чувствую, но не понимаю.

Прогулка на избирательный участок

В час непотребно яркого заката шла я по набережной за известным делом. Люди недооценивают меня, думая, что общественной жизнью я интересуюсь только в том случае, если мне за это заплатят. Восьмого февраля совершенно даром заглянула на Госуслуги, открепилась от своего подмосковного участка и прикрепилась к тому, что на Яркон сто двадцать в Тель-Авиве. А сегодня с утра отправила две рукописи редактору, вымыла волосы хозяйственным мылом, переделалась в чистое и вышла отдать голос, будто я русалочка.

...Насчёт мыла, это не аскезы ради и не от вшей, а потому что через четвёртые уста передали мне тайное знание: если омывать кудри чистейшим оливковым мылом, станут они невиданно густыми. И заказала я на Айхерб мыло, состоящее на 86 % из оливкового масла, и дождалась его, и омыла им кудри свои, и вот что скажу: по окончании слиплись они все в один жирный густой волос, так что, в некотором роде, не врут.

И вот нарядилась я и пошла на свой избирательный участок, и супруга за собой повлекла. Шла и думала, что есть, оказывается, номер для места сердца моего, 8094. Поблизости остановилась, повернулась лицом к морю и сфотографи-

ривала вид. Подумал, вот спросят тебя, эмигрант, отчего обменял ты, падла, родной избирательный участок на 8094, за какую похлёбку продал берёзки и осинки, а я молча встану на колени и покажу им фото с айпэда: бейте меня, православные, если поднимется рука.

Но когда пришли мы к посольству страны моей, оказалось, что на Госуслугах не совсем в курсе, и участок наш на Кауфман два, где консульство. Что ж, пришли мы и туда, когда солнце уже окончательно упало в море, и нашли без труда место голосования. Дима, чурка нерусская, остался за турникетом, а я показала паспорт и ступила на землю родины своей. На всякий случай спросила у юноши, напрасно ли я ходила на Госуслуги, а он ответил изящно: в этот раз не понадобилось. Родина моя, как и я, рассеянна и беспечна, перепутала адрес и допустила подрыв устоев. Ведь могла бы я, не открепившись, проголосовать в шесть утра здесь, а потом метнуться коварной щучкой в самолёт, прилететь в Подмосковье и накрутить результат. Но не выест глаз рассеянный и беспечный другому рассеянному и беспечному.

Вышла оттуда на тревожных щах – всякий раз, когда отхожу от мужа в люди, у меня делается такое лицо, будто нашла бомбу в жопе своей: густая смесь паники, смущения и надежды, что никто не заметит. Не знаю, как попускают здешние охранники такой мой вид.

Для проверки безопасности тыла своего даже забежала в тамошние удобства и удивилась, до чего грязны. Нажалова-

лась мужу: участок переврали, не подкупили меня ни блинком, ни флагом, туалеты ужасные. А он говорит: никто, никто здесь не хочет тебе понравиться.

Что ж, коли обменяла берёзки и осинки на психоделический закат, стерпи.

А потом сказал, что сейчас поедет на центральный автовокзал, где имеет мастерскую, и съест там две плюшки. И тут я обиделась, потому что мог бы из вежливости скрывать от меня свои удовольствия на стороне. Плюшки эти, которые днём на десять три, а к ночи и четыре, таковы, что за них можно не только участок, но и честь, и ум, и красоту, что я регулярно и делаю. Потому что свиты они из теста, шоколада и заварного крема так, будто один раз живём, и нет ни царствия небесного, ни загробного воздаяния, а есть только эта земная сладость, страсть и нежность, а в самой серёдке спрятана любовь.

И тогда он спросил, не купить ли мне тоже. Он спросил меня не хочу ли я да сказать да мой горный цветок.

Нет, сказала я, нет. Не надо мне плюшек твоих, потому что жопа моя нынче и без бомбы пцаца¹⁸.

Он меня подло не уговаривал, поэтому я прошла немножко, подумала-подумала, и говорю: да. Да, я ведь сегодня отправила две рукописи редактору, это ли не повод, это ли не заслуга. По плюшке за книгу разве много? И да я сказала да

¹⁸ Пцаца – «бомба» на иврите, в иносказательном смысле употребляется так же, как и на русском.

я хочу Да.

А позже уехал он, а я пошла бродить и тратить калории, которые ночью вернутся ко мне с горкою, и шаг за шагом прошла тринадцать с половиной километров и остановилась только, когда ноги мои устали, сбились и покрылись кровью, потому что такова судьба и выбор мой, ведь я теперь русалочка.

Прогулка в Пурим

1

Почта Израиля, красиво говоря, накрыла лопушком мой пуримский костюм – полутора месяцев на доставку ей не хватило. Нашла прошлогодний, несколько подплесневевший, но ещё ого-го.

Муж задерживается в Москве ещё на две недели, в связи с этим пришлось искать человека, который зашнурует мне корсет на зомби-прайд. Не проблема, а то я в Тель-Авиве не найду крепкого мертвеца, но сам факт – такое оно, горькое женское одиночество.

В хит-параде самых милых костюмов – беременная барышня, наряженная пузатым мужиком в засаленной майке, и человек-член в компании двух своих сперматозоидов (мог быть хороший семейный сет, если бы нарядил в них детишек). Также видели Иисуса, оказался женщиной.

В эти дни как никогда заметно, что город наш полон прекрасных мужчин, свободных женщин и ангелов.

А наша почтовая голубка, безусловно, археоптерикс, потому что вырвать из её зубастой пасти посылочку вовремя и непожёванной крайне затруднительно. Детали пуримского

костюма лежали у моего порога ровненько к концу праздника.

Но я всё более убеждаюсь, что лучший маскарад для женщины – похудевшая талия. И это, заодно, отличный инструмент для исправления самооценки. Если недовольна собой в 58 см, достаточно разожраться до семидесяти, а потом вернуть шестьдесят, и сразу миленько так, корсеты, стрейч и прочие стыдные радости, которые в 58 казались недопустимыми.

2

Когда ты зануда, мир наполняется знаками, потому что видишь слишком много деталей и можешь набрать на историю буквально под ногами. Или над головой.

Гуляли с другом по Керем а-Тейманим, рассматривали нарядную толпу и дома, украшенные гирляндами, а в одном из переулков увидели обувку, подвешенную на проводах. В некоторых странах, экспертным тоном сообщила я, так обозначают точки продажи наркотиков. Сфотографировали и пошли дальше.

Сегодня села обрабатывать фото, увидела надпись на подошве одной пары. Погуглила, узнала примерно всё: имя, возраст, род занятий, аккаунты в соцсетях, что он делал прошлым летом, сколько зарабатывает и в каком статусе живёт в Израиле. Узнала бы и больше, но это за первые пять минут.

Так что пишите письма, читайте письма. Другой вопрос – нафига. Мне лично просто любопытно.

Заодно пересчитала свою обувь, оказалось 27 пар, и это при том, что я приехала в Тель-Авив с двумя чемоданами несколько лет назад. Но я не умею выбрасывать стоптанные туфли моего размера – вспоминается голодное детство, когда на всё лето были одни узенькие белые лодочки фабрики «Парижская коммуна», вечно полные крови к концу дня. Нечеловеческим усилием воли выпустила на волю красные башмачки и тут же полезла в Интернет восполнять потерю. С трудом удержалась от покупки туфель ручной работы, конечным аргументом стал тот факт, что они из свиной кожи, некошерно же.

– Но вам же их не есть, – заметила моя знакомая.

– Ах, никто не знает, как повернётся жизнь нового репатрианта.

Но в Сети достаточно обуви из коровы. К концу шопинга всерьёз задумалась о своём поведении и пристала к другу, с которым у нас давняя договорённость – если один из нас рехнётся, второй непременно ему об этом скажет:

– Серёжа, я не в порядке! Вчера перед сном дала себе слово завязать и начала день с покупки сандаликов. Мне плохо? Что я компенсирую? Недоедание или потерю социального статуса? А? А?!

– Ты же похудела. Просто стала нравиться себе в зеркале и хочешь наряжаться, это нормально.

– Нравлюсь себе? Тогда я точно рехнулась.

Радует только, что меня окружают лучшие в мире мужчины. Переписываюсь с мужем:

«Я купила итальянские сандалики с доставкой в Москву, сможешь забрать?»

«Конечно. Давай переведу денег, чтобы не опустошать твою карту, пяти тысяч хватит?»

«Что ты, они со скидками, достаточно и трёх».

«Нет, я соскучился, поэтому переведу пять».

Какое счастье, когда у тебя с близким человеком совпадает язык любви.

Прогулка 18 ияра

Восемнадцатое ияра, как и все другие дни еврейского календаря, началось с вечера, потому что «и был вечер, и было утро – день один» – прямое доказательство того, что Всевышний – сова, и совы ему угодны, в отличие от жаворонков отвратительных. Началось трудно, потому что супруг мой уехал в Москву, учить людей делать бубны, а мне оставил полный холодильник еды, сиротствующих котов и хамсин в придачу. Хамсин у нас, впрочем, давно. Выглядит, будто евреи ушли из Египта, а теперь Египет пришёл за ними в виде своих пустынь. Правда, в этот раз к нам явилась сирийская, но Сахара вряд ли гаже – тоже жёлтая взвесь в воздухе, в глазах и в самых секретных складках тела. От хамсина у женщин мигрень, а у мужчин гнев, и у всех першит в горле.

Кроме прочего, почта Израиля, которая генетически является слабоумной дочерью российской почты, отправила мою посылку в местное Бологое – замкадный город Модииин, лежащий между Иерусалимом и Тель-Авивом. Двадцать девять страшных километров и пятьдесят минут в автобусе отделяют меня от маленькой коробочки с косметикой, которая шла из Канады всего неделю, а теперь между нами вечность.

Чтобы как-то исправить ситуацию, пошла в Яффо глядеть на тель-авивских художников, возле театра оркестр играл музыку, которую я узнала, но не вспомнила, а с балкона кло-

ун что-то кричал с чудовищным русским акцентом, наверное, в этом и состояло веселье. На выставке понравилась одна картина, для меня это много. Потом осмотрелась вокруг, сразу же почувствовала себя одинокой – всё люди какие-то со стаканами, не знаю никого. И тут вдруг из толпы проступило знакомое лицо, примерно, как в оптических иллюзиях с непонятными пятнами, к которым если приглядываешься, можно увидеть голую бабу. И вот я пригляделась и увидела Сашеньку. А потом вдруг Анну, Сашу, Машу, Эллу, Мишу, Дину и ещё полдюжины знакомых, то есть вдруг вся толпа оказалась своя, как во сне – чёрт, а я не одета (не то чтобы голая, но кое-как, я же шла на выставку, откуда бы там люди). Не знала только борзую собаку, и то неизвестно, может, во френдах.

На обратном пути шли с Аннушкой по бульвару, и я вдруг увидела огромные рыжие апельсины на деревьях:

– Экая странность, – говорю я, внимательный ботаник. – Откуда плоды, когда цитрусовые ещё толком не зацвели?

– Да ещё на фикусах, – поддержала она.

Но это всё-таки очень большая радость, когда привыкаешь в детстве к картинкам с лубочными алыми яблоками или солнечными апельсинами в пышной листве, и всю жизнь тебе не хватает этого образа среди невыразительных садов реальности, а потом хоба, кто-то позаботился.

По дороге встретились с Аниным мужем и ребёнком, и я познала удовольствие, когда кто-нибудь озвучивает твои

нехитрые мысли. Ну там «ой, киса! аaaa, таракан! какашка большая!» – так-то всё время сдерживаешь себя, а вот с младенцем можно об этом подробно поговорить. Разом поняла ликование комментаторов, которые мне пишут под колонками «это же мои мысли!» – казалось бы, отчего ты радуешься, человек, что идеи твои не уникальны? а смотри-ка, приятно.

Дома меня привычно опозорили коты. Из моих записей очевидно, что Монишка – нелюдима, а Веничка – душа-паренёк, и люди ждут соответствующего поведения. Вместо этого к ним с порога кидается Моника и кричит, тычась волосатым лицом, как здесь её не любят и притесняют, и, может быть, ты заберёшь меня, добрая женщина. Веня же говорит: ой всё, и растворяется под кроватью, пока гостей не станет. От этого на меня смотрят с подозрением и начинают думать, что я и в остальных своих историях так же вру. А на самом деле в остальных я вру не так, а по-настоящему, про кошек же только и пишу чистую правду, она просто выглядит неубедительно, с ней это всегда.

Потом ребёнок выразил желание «победить таракана», и гости ушли в ночь на поиски, а я дождалась сообщения, что муж мой отправился на небеса, не опоздав на самолёт, и уснула. Просыпалась только на звуки в лотке, по привычке. Кот с месяц назад многое пережил: случился у него обычный приступ гастрита, но нашего врача не было под рукой, мы пошли к новому, и не успели оглянуться, как у кота уже наркоз, пальпация, эпиляция, анализ крови, рентген и толь-

ко потом необходимый набор уколов, таблеток и капельница. Видимо, среди этих процедур была какая-то очень особенная, потому что после неё Веничка в одночасье научилась гадить ровно в лоток. Гастрит тоже притих, так что всё к лучшему, и мне теперь не нужно контролировать чужую дефекацию, это большое облегчение.

А встала я уже днём и первым делом умылась кислотой. Это случайно вышло, у меня три одинаковых пузырька, в одном сыворотка, а в другом кислый вечерний тоник, который с утра нельзя, потому что солнце, но я перепутала. Потом вкусила что-то там из холодильника своего и ушла провожать хамсин. За порогом увидела кошачью женщину с выражением ужаса на косоглазом лице, а потом пыльную машину с таким количеством штрафов под дворниками, что дешевле будет её продать. На пляже Бен-Гурион¹⁹ подставлял пятки заходящему солнцу, в воздухе плыла золотая пыль, на яхте пританцовывала графически выверенная кошка, и Тель-Авив любил меня, а я его.

Вернулась, подмела двор и день закончился, началось девятнадцатое, и люди в домах зажгли субботние свечи. А если вы ждали какой-нибудь драматической кульминации, то её нет, я же сказала – лытдыбр.

¹⁹ Бен-Гурион – один из отцов-основателей Израиля. Любил в свободную минутку постоять на голове. Его фигура в этой позе до недавнего времени украшала пляж Буграшов, но в 2023 году её сжёг вандал.

Прогулка в шабат

1

В девять утра пятницы выскользнула из дома, оставив на подушке записку «ушла купаться не-инци» и полетела к морю. Из одежды на мне тапки, купальник, превращающий тело в лёгкий набросок тушью, и белая просвечивающаяся рубашка, а из вещей – браслет шагомера и ключи на нём. И рубашка парит на утреннем ветру, и я вместе с ней, и так мне вольно, что даже состроила глазки отцу двоих детей, очень красивому и совершенно безопасному. И вся я, как свежий пятничный персик на утреннем Кармеле – тёплый, чистый и каждому желанный, а также лилия долин. Даже подумала, что нужно бы всё-таки дать шанс какому-нибудь прекрасно-му спасателю с пляжа, чтобы научил меня плавать, потому что который год жить в весёлом городе Тель-Авиве и ни разу не нырнуть глубже семейного бассейна – это ведь грех.

Через час снова была дома, разморённая морем и раздавленной утренним жаром до состояния пятничного персика с рынка Кармель – такие в конце дня отдают за «килё шекель», а перед самым шабатом оставляют в ящиках на земле для эритрейских нелегалов и русских бомжей. Купальник слез,

как сардельная шкурка, в трусах песок, и не факт, что морской. Бесшумно забралась в постель и похитила записку – не было ничего. Помню только: от пенного морского барашка отрывается клочок, оборачивается белой бабочкой, ловит ветер и летит к берегу, к золотому Тель-Авиву. Одно это и останется от целого утра – а может, и от всей жизни, пока не знаю.

2

Образцовый выход из дома, образцовый. Всё дело в том, что у меня сделался прыщик. Он привёл за собой тяжёлый ББ-крем, делающий из человеческого лица идеальную фарфоровую маску. Маска в свою очередь повлекла из глубин стола метеориты герлен, чтобы сиять в честь прихода субботы. Сияние потребовало чёрных одежд – шёлкового платья в бельевом стиле и небрежно завязанного *wrap dress* поверх. И, как вы понимаете, с этим всем без каблуков нельзя. И вот выхожу я в этом всём и понимаю, что а) иду я, вообще говоря, на дикий ближневосточный рынок за вербеной и халой; б) по времени уже почти шабат; и в) я падаю. Ну, поскользнулась, бывает, повалилась, пошла на рынок, в пыли вся. Не жила нарядной, нечего и начинать.

Тель-Авив, как любое дитя этой земли, нежен, нахален и жизнерадостен. Иногда я даже слегка теряюсь.

Бомж повадился спать во дворе на нашей единственной скамейке, жильцы с ним деликатно воюют – регулярно прикручивают специальную перекладину посреди сиденья, чтобы нельзя было лечь. Бомж так же регулярно эту штуку отламывает и выбрасывает. Вечером в шабат опять явился, обнаружил свежеставленную помеху и устроил шумную сцену, страшно возмутился и грозил позвонить в полицию. Уже не возьмусь предположить, есть ли что-нибудь такое, чего израильтянин не посмеет потребовать у мира, сомневаясь в своём праве. Разве что насчёт парковки в Тель-Авиве все уже смирились.

В ночном Неве-Цедеке нас обгоняет восхитительный родстер, останавливается на проезжей улице у проезжающего дома – местный юноша привёз «на кофе» высокую англоязычную блондинку. От умиления рассыпаюсь на воздушные шарики:

– Вот же умничка, всё правильно сделал – когда такая тачка и дом, сам боженька заповедал самую белобрысую и длинную иностранку, какая найдётся в баре.

Идём дальше, через два десятка шагов пряничная улица внезапно обрастает облезлыми халупами (в Тель-Авиве это

нормально, земля-то в любом случае золотая), и я начинаю уважать мальчика ещё больше:

– Слушай, какой разумный юноша, с правильной стороны девушку подвозил.

– А прикинь, вылезает она утром от него и проходит дальше на двадцать метров – мать твою, где я и что это было?

4

Рай наступает вместе с шабатом, когда Тель-Авив тих и пуст. Тёплые сумерки на чистых улицах превращают город в съёмочный павильон, под каждым фонарём идеальная композиция: мягкий свет, цветущий куст, скамейка, новый месяц колыбелькой. Иногда в картинку вписан человек, который весь – одиночество. Девчонка, подсвеченная телефоном, смотрит на экран и не улыбается. Или я со своим планшетом. Или юноша, который не спешит. Ещё несколько часов назад все едва успевали – к закрытию рынка, к началу субботы, к столу. А сейчас на улицах только те, кто уже везде опоздал – к свечам, к семье, к собственной жизни.

Раньше в эти часы я остро чувствовала свою бездомность, а сейчас вижу открытые двери, из которых вылились на улицы тепло и безопасность, мне теперь весь город – дом. Мой кабинет на площади Бялик, веранда моя на берегу, крыша надо мною – пальмы, а вместо свечей огни над водой.

Куда спешить, чего бояться, кого ждать, когда всё уже по-

теряно, остался только тоненький месяц чеширской улыбкой, суббота, мир.

Если разобрать, из чего складывается моё чувство счастья, получается, что это когда ты всё потерял и всё можешь, всё забыл и всё понял, и сердце твоё разбито и готово к любви. Так выглядит свобода, но для меня это и есть счастье.

Прогулка в Песках

Нет лучшего способа отметить праздник освобождения, чем украсить свой банковский счёт некоторыми вложениями. Потому что свобода, как известно, приходит нагая, а значит, туфельки ей купи, платьишко купи, сумочку надо, всё – деньги. И вот, настяжав гонораров и покормив банкомат, скачу я к морю, напевая «вышли мы все из Египта, дети семьи трудовой», и думаю, как причудливо сознание постсоветского человека, даже самого хорошенького из них: чуть только расслабь, покорми, развлеки, тут и вылезет диковатый фольклор. Потому что укачивали меня под песню о Щорсе, и что ещё может стать с человеком, для которого покой и безопасность – это спать на руках у папы под немзыкальное гудение «голова обвязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве». Красиво же, ну: вечернее густо-синее небо, роса на изумрудной траве, полоса вишнёвой крови, а из сумерек выступает белое пятно бинта с плывущим алым. И конь где-то там ходит тёмной тёплой тенью. Разве же не прекрасен такой вечер, разве не безмятежен?

Ещё думала о ненасытном своём одиночестве: почему, сколько ни люби волка, ни окружай его тройным кольцом хороших и заботливых, всё норовит он скорчиться от тоски и обстоятельно нажаловаться на сиротство.

А потому всё – поняла я в этот вечер Песаха, когда люди расходились в свои дома и соединялись для праздника, – потому, что у меня нет семьи. Не оттого, что дракончик съел папу и маму и теперь сирота, просто нет этого основополагающего ощущения своих, которые несмотря ни на что. Есть ряд людей, выбравших любить меня вопреки моим несовершенствам, но они всегда могут отозвать свои чувства, и претензий к ним не будет, одно огорчение. Потому что как женщина, мать, дочь, сестра, племянница и даже кузина я никуда не гожусь, а состоялась только как куст, говорящий, бродячий, иногда пылающий. Куст я правда отличный, не придраться, но этого слишком мало для семьи, поэтому я легко пойму, если что. С каждым из своих дорогих я договариваюсь отдельно. Прости, папа, я куст. Прости, дитя, даже не кукушка. Прости, милый друг, я немного деревянная. Но если согласитесь меня любить, покроюсь для вас цветами и даже, возможно, полезной едой, а если и нет, придётся вам меня как-нибудь так. Почему они до сих пор согласны, это вопрос их личных травм, но, когда откажутся, я не удивлюсь.

Но, обдумав всё это, отмечаешь, что есть же у семьи и другая характеристика – не только любящие, но и те, кого любишь ты. Отчего же куст умалчивает об этом аспекте? А всё потому, что привык знать: твоя любовь ничего не решает, как ни пылай, ни принадлежи, всегда наступит момент, когда ссадят с колен и уйдут. Никого нельзя удержать силой своей любви и сохранить при себе, только если выберут тебя, если

собственная любовь привяжет человека к людям, кустам и крестам. А дальше уж либо повезло, либо нет.

Мне везёт, мне всегда отчаянно везёт, по мелочам и в том, что люди зачем-то меня выбирают.

Прогулка с утра

Удивительна память, которая просыпается в человеке, когда отключается рассудок. В пятницу пришлось покинуть дом спешно, в восемь тридцать утра; я собирала своё дремлющее тело совершенно мимодумно и поэтому рефлекторно его накрасила. И потом сидела на пустом пляже, являя собой образец ритуальной косметологии. Пугать особенно было некого – всего одна парочка дятлов с маткотом²⁰, несколько бегунов вдоль кромки воды и ещё собака Куки, которая обучена знакомиться с девушками. Выбирает, ложится у ног и ждёт, когда придёт хозяин. Какая женщина откажется поболтать с блондином, если его представляет большая тёплая собака?

Из хорошего в стране нашей, кроме голоса горлицы и клубники по шесть шекелей, то, что сантехников здесь называют высоким словом инсталлятор, потому что они, очевидно, делают некоторое искусство из говна, труб и герметика, а потом ещё запрещают его осквернять примерно сутки. Из-за этого вечернюю субботнюю прогулку мы планируем по известным нам круглосуточным туалетам. А с утра мне просто нужно было покинуть здание, я не готова была увидеть людей так близко, вот и умчалась покрашенной птицей – крас-

²⁰ Пляжная игра с ракетками и резиновым мячиком.

ноглазо кружить над морем, но не орать.

Орут здесь дети и настолько чудесным образом, что я минут на пять залипла возле площадки, где несколько небольших персон вопили так, будто каждый в свои годы уже бросал в атаку полк – под пули, на кронштадский лёд, – надсадно, люто и бесконечно.

Ещё из искусства видела сегодня вязаную работу на стене художественной школы и новое граффити между Бялик – Черниховски. Подумала, что лучшее в уличном арте, это свет и рифмы, исполнение и замысел почти всегда отступают, когда такое солнце, такая симметрия всего со всем – ветки и её тени, решётки и отражения. Блики ложатся на самые бездарные работы и делают их бессмертными, но ровно до тех пор, пока свет не переместится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.